

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ОСПАРИВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РАМКАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЕГО К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE EXPEDIENCY OF CHALLENGING THE ACTIONS OF AN INSOLVENCY PRACTITIONER IN THE CONTEXT OF BRINGING HIM TO CIVIL LIABILITY

N. Lebedev

Summary. In this work, the author examines the need for preliminary challenging of the actions or inactions of an insolvency practitioner before filing claims for bringing to civil liability. The issue has become relevant due to changes in law enforcement approaches reflected in judicial practice, which has allowed, at present, bypassing the procedure for appealing the action to immediately apply for recovery of damages. The study uses methods of analysis, synthesis, as well as a formal legal method.

Keywords: insolvency practitioner, challenging, action, inaction, legality, duties, court, bankruptcy.

Лебедев Никита Вячеславович
соискатель, Санкт-Петербургский
государственный университет
Lebedev_n.v@mail.ru

Аннотация. В работе автор исследует необходимость предварительного оспаривания действий либо бездействий арбитражного управляющего до предъявления требований о привлечении к гражданско-правовой ответственности. Проблематика получила актуальность в связи с изменениями правоприменительных подходов, отражаемых в судебной практике, что позволило, в настоящий момент минуя процедуру обжалования действия сразу обращаться за взысканием убытков. В исследовании применяются методы анализа, синтеза, а также формально-юридический метод.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, оспаривание, действие, бездействие, законность, обязанности, суд, банкротство.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена динамичным развитием правоприменительной практики в сфере банкротства, где всё чаще возникает вопрос о необходимости предварительного оспаривания действий (бездействия) арбитражного управляющего как обязательного условия для привлечения его к гражданско-правовой ответственности. Традиционный подход, требующий признания действий незаконными через суд, сталкивается с критикой из-за процессуальной сложности и длительности, что затрудняет оперативное восстановление нарушенных прав кредиторов и иных участников процедуры. Однако в последние годы наметилась тенденция к упрощению механизма взыскания убытков: суды всё чаще допускают прямое обращение с исками о компенсации ущерба, минуя стадию оспаривания. Это создаёт правовую неопределённость, порождая дискуссии о балансе между защитой прав потерпевших и обеспечением стабильности процедур банкротства.

Цель статьи — провести комплексный анализ целесообразности обязательного оспаривания действий арбитражного управляющего как преюдициального условия для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

В работе исследуются противоречия между нормами ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ № 127-ФЗ) [1], устанавливающими необходимость судебного подтверждения нарушения (ст. 20.4), и складывающейся судебной практикой, допускающей взыскание убытков без такой процедуры.

Методология

Используя методы анализа, синтеза и формально-юридический подход, автор оценивает последствия отказа от оспаривания действий для участников процесса, выявляет риски злоупотреблений и предлагает критерии, позволяющие дифференцировать случаи, когда оспаривание является избыточным. Результаты исследования имеют как теоретическое значение, внося вклад в дискуссию о природе гражданско-правовой ответственности управляющих, так и практическое — формируя рекомендации для законодателя и правоприменителей.

Работа структурирована вокруг ключевых аспектов: анализ действующего законодательства, обзор судебных прецедентов, оценка эффективности альтернативных механизмов возмещения ущерба. Это позволяет предложить модель, минимизирующую процессуальные барьеры без ущерба для защиты прав добросовестных управляющих.

Проблематика

Основная проблема, исследуемая в статье, заключается в определении необходимости предварительно оспаривания действий (бездействий) арбитражного управляющего как обязательного условия для обращения с иском о взыскании убытков. Данный вопрос порождает правовую коллизию, обусловленную противоречием между законодательством и судебной практикой.

Так, согласно ч. 4 ст. 20.4 ФЗ № 127-ФЗ, взыскание убытков с управляющего возможно только при наличии вступившего в силу судебного акта, подтверждающего нарушение им обязанностей. Однако в последние годы арбитражные суды всё чаще допускают рассмотрение исков о компенсации ущерба без предварительного оспаривания действий управляющего. Это создаёт правовую неопределённость: с одной стороны, формальное требование закона сохраняется, с другой — практика идёт по пути упрощения процедуры.

Таким образом, проблематика статьи охватывает не только теоретический спор о толковании ст. 20.4 ФЗ № 127-ФЗ, но и практические аспекты, влияющие на эффективность защиты прав участников банкротства. Разрешение этой коллизии требует комплексного подхода, сочетающего чёткость законодательства, единообразие практики и баланс интересов сторон.

Обсуждение и результаты

Вопрос гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего регламентирован специальными нормами законодательства о несостоятельности. Согласно ч. 10 ст. 213.9 ФЗ № 127-ФЗ, управляющий несет ответственность (гражданскую, административную, уголовную) за разглашение охраняемых законом сведений, включая личную, коммерческую или банковскую тайну, с обязательством возмещения причиненного вреда. Аналогично, ч. 4 ст. 20.4 того же закона устанавливает его обязанность компенсировать убытки участникам процедуры банкротства при условии подтверждения факта нарушения судебным решением. Эти положения, однако, не исключают применения общих норм гражданского права, подчеркивая двойственность правового статуса управляющего как субъекта гражданских правоотношений.

Как отмечает Верховный Суд РФ, специфика ответственности арбитражного управляющего заключается в её исключительно судебном характере: размер и факт взыскания определяются только вступившим в силу решением суда [2]. Данный институт, будучи элементом системы балансирования интересов сторон в банкротстве, призван обеспечивать соблюдение управляющим законных требований, минимизировать злоупотребления и компенсировать ущерб от неправомерных действий.

Уникальность статуса управляющего, как подчеркивает Е.В. Мурашкина, заключается в его функциональной независимости от участников процесса, что делает отклонение от нейтралитета основанием для привлечения к ответственности [3].

Правовая доктрина акцентирует системные проблемы в деятельности управляющих. В.В. Витрянский указывает на их недостаточную профессиональную подготовку и ангажированность отдельными кредиторами, что приводит к убыткам [4]. Б.А. Шагуч обращает внимание на риски перевода должника в состояние неоплатности [5], а У. Гоголишвили-Нефедова подчеркивает ключевую роль управляющего в принятии стратегических решений, влияющих на исход процедуры [6]. Эти факторы усиливают риски гражданско-правовых исков, однако, как демонстрирует судебная практика, оценка правомерности действий управляющего нередко сопряжена с правовыми коллизиями.

Ярким примером служит дело № А61-3021/2016 (Определение Арбитражного суда Республики Северная Осетия — Алания от 14.06.2023 по делу № А61—3021/2016 [7], Постановление 16 ААС от 19 января 2024 г. по делу № А61-3021/2016 [8]), где суд первой инстанции взыскал убытки за бездействие управляющего при оспаривании сделки, однако апелляция отменила решение, сославшись на сохранение возможности восстановления имущества. Подобная противоречивость отражает парадокс: ответственность может зависеть от гипотетических будущих событий, что ставит под сомнение объективность критериев оценки.

Современная судебная практика демонстрирует принципиальный сдвиг в подходах к привлечению арбитражных управляющих к гражданско-правовой ответственности. Как отмечено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 11.10.2023, факт нарушения обязанностей управляющим может быть установлен как в рамках обособленных споров (например, оспаривание действий), так и непосредственно в процессе взыскания убытков. Однако ключевое изменение заключается в отказе от презумпции ответственности на основе формального судебного акта. Анализ 205 дел выявил, что даже при наличии преюдициального решения, подтверждающего нарушение, истцы обязаны доказывать полный состав деликта: причинно-следственную связь, размер ущерба и вину управляющего (ст. 15, 1064 ГК РФ).

До 2024 г. доминировал упрощённый подход: судебный акт о нарушении (например, по обособленному спору) автоматически влек ответственность, что провоцировало злоупотребления. Ю. Трофимова указывала, что признания действий либо бездействий незаконными как факта достаточно для взыскания убытков, т.е. при предъявлении иска не требуется дополнительное

обоснование [9]. Б.М. Малахиров подчеркивал, что для взыскания убытков нужно было только обосновать факт неисполнения обязанностей арбитражным управляющим и размеры неблагоприятных убытков [10], что подтверждалось практикой ВС РФ, а также арбитражных судов [11].

Например, решение о незаконной продаже активов управляющим не требовало доказательств реального ущерба, презюмировалось, что арбитражный управляющий обязан компенсировать свое нарушение возмещением убытков.

Новая парадигма, закреплённая в практике 2023–2024 гг., исключает подобный формализм. Так, Арбитражный суд г. Москвы в деле № А40-141483/2023 (Решение от 4 августа 2023 г. по делу № А40-141483/2023 [13]) отказал во взыскании убытков, несмотря на установленное нарушение, из-за отсутствия доказательств связи между действиями управляющего и ущербом? Аналогично в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 28.07.2017 N Ф09-2739/10 по делу N А60-1872/09 [12].

Статистика подтверждает трансформацию:

- Число жалоб на управляющих сократилось с 447 (2020 г.) до 420 (2024 г.), что свидетельствует о снижении числа необоснованных претензий.
- Сумма взысканных убытков выросла с 0,73 млрд руб. (2020 г.) до 2,26 млрд руб. (2024 г.), отражая ужесточение требований к доказыванию и рост качества аргументации [14].

Этот сдвиг интегрирует общие принципы гражданской ответственности в специальное регулирование банкротства, устраняя дисбаланс между процедурными и материальными нормами. Как подчёркивают Д.Р. Борисенко и Т.А. Терешенко, управляющие перестают быть «удобными» ответчиками — кредиторы обязаны тщательно обосновывать требования, а суды анализируют не только формальные нарушения, но и их последствия [15].

Вопрос гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, регламентированный специальными нормами законодательства о банкротстве, исторически развивался в рамках двух конкурирующих подходов — формального и материального. Формальный подход, доминировавший до 2024 года, базировался на презумпции ответственности управляющего при наличии судебного акта, подтверждающего нарушение им обязанностей. Например, решение о признании действий незаконными в рамках обособленного спора автоматически становилось основанием для взыскания убытков, даже если истец не доказывал реальный ущерб или его связь с действиями управляющего. Такой механизм, несомненно, упрощал процедуру, но порождал системные риски: кредиторы могли злоупотреблять ис-

ками, требуя компенсации за технические нарушения, не повлекшие вреда, а суды зачастую ограничивались констатацией формальных несоответствий, игнорируя материальную сторону дела. Как справедливо отмечала Ю. Трофимова, подобная практика превращала судебные акты в «ярлыки виновности», подменяя глубокий анализ обстоятельств процедурным формализмом.

Материальный подход, напротив, акцентирует необходимость доказывания полного состава гражданского правонарушения — причинной связи, размера ущерба и вины управляющего — независимо от наличия или отсутствия решения по обособленному спору. Этот сдвиг, закреплённый в практике Верховного Суда РФ и арбитражных судов с 2023 года, отражает стремление к балансу между защитой прав участников банкротства и обеспечением справедливости. Яркой иллюстрацией служит дело № А40-141483/2023, где суд, признав нарушение управляющим обязанностей, отказал во взыскании убытков из-за отсутствия доказательств связи между его действиями и ущербом. Подобные решения демонстрируют, что материальный подход не только защищает управляющих от необоснованных претензий, но и стимулирует кредиторов к тщательной подготовке доказательственной базы, что, в конечном итоге, повышает качество судопроизводства.

Следует отметить, что переход к материальному подходу не означает полного отрицания формальных критериев. Напротив, он интегрирует их в более широкий контекст, требуя от судов оценивать не только факт нарушения, но и его последствия. Например, даже при наличии решения о незаконной продаже активов управляющим, истец обязан доказать, что именно эта продажа привела к снижению конкурсной массы. Такой подход, как подчёркивает Д.Р. Борисенко, устраняет дисбаланс между специальными нормами банкротства и общими принципами гражданского права, обеспечивая единство правового пространства.

Статистические данные подтверждают эффективность материальной модели: сокращение числа жалоб на управляющих с 447 до 420 случаев за 2020–2024 гг. свидетельствует о снижении волны недобросовестных исков, а рост суммы взысканных убытков с 0,73 до 2,26 млрд руб. — о повышении качества аргументации и обоснованности требований. Эти тенденции, несомненно, отражают прогресс в правоприменении: суды перестают быть «конвейерами ответственности», превращаясь в арену для взвешенного анализа обстоятельств.

Таким образом, материальный подход, в отличие от формального, не только минимизирует риски злоупотреблений, но и способствует «очеловечиванию» института банкротства, где решения принимаются с учётом реальных последствий, а не процессуальных формаль-

ностей. Это, безусловно, укрепляет доверие к процедурам несостоятельности и создаёт предпосылки для более ответственного поведения всех участников процесса.

Таким образом, эволюция подхода отражает баланс между публичными интересами (эффективность процедур) и частными правами (защита управляющих от недобросовестных исков), что способствует «очеловечиванию» права через призму материальной справедливости.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что оспаривание действий (бездействия) арбитражного управляющего утратило свою процессуальную целесообразность в контексте привлечения к гражданско-правовой ответственности. Современная правоприменительная практика, подтверждённая позицией Верховного Суда РФ, демонстрирует, что ключевым критерием становится доказывание полного состава гражданского правонарушения (причинная связь, размер ущерба, вина) в рамках общего искового производства, независимо от наличия или отсутствия судебного акта, подтверждающего нарушение. Следовательно, в первую очередь произошёл отказ от преюдициальности. Наличие решения по обособленному спору (например, о признании действий незаконными) не заменяет необходимость доказывания убытков и их связи с действиями управляющего. Даже при отсутствии такого акта кредитор вправе напрямую обращаться с иском о взыскании ущерба, представляя доказательства по существу. Акт об оспаривании независимо от его результата в настоящий момент носит нейтральный характер для привлечения к гражданско-правовой ответственности. Наличие акта не гарантирует

удовлетворение иска — суды требуют подтверждения всех элементов деликта. Отсутствие акта не блокирует право на иск — достаточно представить доказательства нарушения обязанностей и причинённого вреда. Также произошло смещение фокуса на материально-правовые критерии. Судебная практика отказывается от формального подхода, акцентируя внимание на реальных последствиях действий управляющего и их соответствии стандартам добросовестности. Изменение подхода влечёт следующие практические последствия:

Для кредиторов происходит снижение процессуальной нагрузки — возможность избежать двойного судебного разбирательства (спор об оспаривании + иск о взыскании).

Арбитражные управляющие получили защиту от автоматической ответственности за технические нарушения, не повлекшие реального ущерба.

Для института банкротства в целом произошло повышение качества доказывания и снижение числа недобросовестных исков, что способствует стабильности процедур.

Таким образом, переход к материально-правовой модели ответственности устраняет избыточность оспаривания действий, интегрируя общие принципы гражданского права в специальное регулирование банкротства. Это создаёт баланс между эффективностью процедур и защитой прав участников, минимизируя риски злоупотреблений и укрепляя доверие к институту арбитражных управляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // «Собрание законодательства РФ». — 2002. — № 43. — ст. 4190
2. «Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) // «Бюллетень Верховного Суда РФ». — № 12. — 2023
3. Мурашкина Е.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Мурашкина Елена Вячеславовна; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. — Москва, 2008. — 23 с.
4. Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. Спец. прилож. к № 3. — С. 95.
5. Шагуч Б.А. Субъект неправомерных действий при банкротстве и вопросы квалификации // Общество и право. — 2008. — № 3. — С. 4 — 10.
6. Гоголишвили-Нефедова У. Когда убытки не взыскивают с арбитражных управляющих // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». — 2023. — № 1. — С. 12–14.
7. Определение Арбитражного суда Республики Северная Осетия — Алания от 14.06.2023 по делу № А61— 3021/2016,
8. Постановление 16 ААС от 19 января 2024 г. по делу № А61-3021/2016
9. Трофимова Ю. Когда и сколько арбитражный управляющий заплатит за свои ошибки // <https://pravo.ru/story/257057/> (дата обращения: 29.03.2025)
10. Малахиров Б.М. Особенности доказывания бездействия временного управляющего в обособленном споре по делу о банкротстве (на стадии наблюдения) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2018. — № 2. — С. 29–33.
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2017 N 308-ЭС17-1988 по делу N A20-90/2015
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.07.2017 N Ф09-2739/10 по делу N A60-1872/09.
13. Решение АС города Москвы от 4 августа 2023 г. по делу № А40-141483/2023
14. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству по состоянию на конец 2024 года // <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185> (дата обращения: 29.03.2025)
15. Борисенко Д.Р., Терещенко Т.А. «Палка-погонялка» для конкурсных управляющих в делах о банкротстве: эффективность vs ответственность за бездействие в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации об арбитражных управляющих // Арбитражные споры. — 2023. — № 4. — С. 91–100.

© Лебедев Никита Вячеславович (Lebedev_n.v@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»